

О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты

Grinin, Leonid

Veröffentlichungsversion / Published Version

Sammelwerksbeitrag / collection article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Grinin, L. (2018). О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты. In L. Grinin, A. Korotayev, & K. Meshcherina (Eds.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация; анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* (pp. 319-349). Volgograd: Uchitel Publishing House. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-73489-3>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Basic Digital Peer Publishing-Lizenz zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier: <http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Basic Digital Peer Publishing Licence. For more information see: <http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Часть III

ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: СТРАНОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О РОЛИ ИСЛАМИЗМА В МОДЕРНИЗАЦИИ ИСЛАМСКИХ СТРАН И ЕГО ВЛИЯНИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

Исламские, особенно арабские, страны имеют многочисленные серьезные особенности, в частности, в модернизации этих государств. Понять эти особенности и их причины, а также современные исламские (особенно арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды, образа действий и образа жизни невозможно. К сожалению, исламизм во многом оставался «явлением, скрывающимся за поверхностью». В настоящей главе в первой части мы сделаем акцент на анализе особенностей модернизации арабских и исламских стран, а во второй части – некоторых политических аспектов современного исламизма, показав, как ведет себя исламизм в оппозиции и что случается, когда исламисты приходят к власти легитимным путем. Мы хотели бы показать, что исламизм – это не нечто поверхностное, а глубинная и всеобъемлющая субстанция исламских обществ. Поэтому крайне важно различать радикальный и умеренный исламизм, опираться на последний для ослабления первого, поскольку именно умеренный исламизм может стать позитивным и перспективным крылом

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

политической системы исламских стран. Мы полагаем, что уменьшить опасность радикального, террористического исламизма одной только силовой борьбой с ним невозможно. Можно надеяться, что он пойдет на убыль в случае, если удастся разделить его с умеренным исламизмом и сделать последний более респектабельным, открытым, вовлеченным в нормальную политическую жизнь.

Введение

В первом разделе настоящей главы мы остановимся на особенностях модернизации в исламских странах в аспекте анализа влияния исламизма, а во втором разделе сделаем акцент на анализе некоторых политических аспектов современного исламизма, показав, что исламизм – это не нечто поверхностное, а глубинная и всеобъемлющая субстанция исламских обществ. Поэтому крайне важно различать радикальный и умеренный исламизм, опираться на последний для ослабления первого, поскольку именно умеренный исламизм может стать позитивным и перспективным крылом политической системы исламских стран.

Поскольку мы уже давали определения исламизма (Коротаев, Гринин 2017), в этой статье приведем только одно, которое представляется достаточно удачным.

Термин «исламизм»... обозначает форму социального и политического активизма, основанную на идее, что общественная и политическая жизнь должна руководствоваться рядом исламских принципов. Иными словами, исламисты – это те, кто считает, что ислам должен играть важную роль в организации общества с мусульманским большинством, и стремится реализовать это убеждение (Poljarevic 2015).

Мы также уже говорили о том, что важно не отделять умеренных исламистов от исламизма (не записывая в исламисты только радикалов). Ведь, несмотря на колоссальные различия в отношении к террору, участию в политической жизни и т. п., исламистов объединяют некие общие идеологические подходы. Но, с другой стороны, не только эти подходы очень размыты, но и исламисты значительно различаются по тому, какой реализации этих подходов они ожидают, относясь к ним как к некоей атрибутике или более

серьезно (Kelsay 2007: 166). Многие умеренные исламисты, в том числе среди мусульманской интеллигенции, по сути, разделяют идею, выраженную марокканским социологом Абдаллой Ларуи. Современный исламизм в глазах арабского интеллигента, как он считает, не предполагает возврата в прошлое как таковое, а обращение к традиции – это лишь маска, которую надевает на себя современность в условиях кризиса глобальных идеологий, это универсальная идеология преобразования действительности (цит. по: Левин 2014: 18).

Вот почему неправильно и пытаться считать умеренных исламистов не исламистами, а кем-то другим, и смешивать радикалов и умеренных (см. анализ таких попыток редуцировать понятия исламизма и исламистов только до крайне радикальных течений или вовсе отказаться от термина в книге Бассама Тибби «Исламизм и ислам» [Tibi 2012; см. также: *Idem* 2013]). Более продуктивным представляется признать наличие наряду с радикальным исламизмом исламизма умеренного¹ (подробное обоснование этого подхода см. в следующих работах: Kurzman 1998; Depoex 2002; Ayooob 2009; Schwedler 2011; March 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017).

В заключение проведенного нами рассмотрения разных подходов к определению исламизма приведем следующие слова Д. Ачилова и С. Сена. Они отмечают, что эмпирические данные ставят под сомнение широко распространенные представления о том, что «отношение мусульман к политическому исламу единообразно. В сущности, взгляды умеренных исламистов на роль ислама в политике связаны с поддержкой политического плюрализма, верой в важность гражданских свобод и необходимость сосуществования как шариатских норм, так и светских законов. Напротив, политически радикальные исламистские взгляды ставят целью

¹ Кстати говоря, многие из самих умеренных исламистов предпочитают называть свою версию исламизма не «умеренным исламизмом», а «постисламизмом» (см., например: Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2017). Отметим, что мы сами все-таки склонны рассматривать постисламизм в качестве разновидности умеренного исламизма, а не как нечто, качественно отличное от умеренного исламизма. Здесь примечательно, что и такой видный представитель постисламизма, как бангладешец Аханд Ахтар Хоссайн, склонен рассматривать постисламизм как понятие, омонимичное понятию «мягкая версия исламизма» (*a softer version of Islamism*) (Hossain 2016: 214).

полное господство шариата, нетерпимы к демократическому плюрализму и исходят из представления о том, что исламские религиозные деятели могут принимать политические решения лучше, чем кто-то другой. Эмпирические данные также показывают, что поддержка политически умеренного (а не радикального) ислама коррелирует с более высоким уровнем образования и социального капитала... В то же время мы предполагаем необходимость дальнейшего будущего эмпирического изучения возможного скрытого варианта, который может находиться между политически радикальным и политически умеренным исламизмом» (Achilov, Sen 2017: 621).

В целом, если суммировать разные подходы к определению исламизма, пытаться учесть разные течения в исламизме, можно было бы сказать, что **исламизм** – это политическое направление и идеология, широко распространенные в мусульманских, особенно арабских, странах. Исламизм основывается на идеях превосходства (или просто высокой ценности) ислама и его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) определенным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями, политически объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые в качестве исламских) идеи и принципы во главу угла в политической жизни.

Но при этом надо не забывать, что «политический ислам отнюдь не монолитное явление, а сложное многоаспектное понятие, включающее исламские политические взгляды, которые могут коренным образом отличаться в разных странах» (Achilov, Sen 2017: 609; см. также: Ланда, Саватеев 2015; Аyoob 2009; Denoex 2002; Schwedler 2011).

Исследование исламизма и его аспектов, в каком бы академическом ключе это ни делалось, всегда актуально из-за значимости самого феномена исламизма. Очевидно, что понять особенности модернизации арабских и исламских обществ, а также современные исламские (особенно арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды, образа действий и образа жизни невозможно. Между тем по целому ряду причин, разбирать которые нет возможности в этой главе (подробнее см.: Grinin *et al.* 2018: ch. 3), для многих

обозревателей Ближнего Востока в XX в. и первой декаде XXI столетия исламизм оставался «явлением, скрывающимся за поверхностью» (Osman 2016: xiii), а потому он оказался недостаточно понятым. Исламизм – феномен многоликий, меняющийся и противоречивый. Это один из самых сложных социальных феноменов настоящего времени (Kerel 2000: 25).

Радикальный и террористический исламизм – печальная и жестокая реальность. И средства массовой информации, и исследователи уделяют ему львиную долю своего внимания, конечно, не просто так, а потому, что он представляет грозную и часто невидимую опасность, жертвой которой может стать каждый (включая и умеренных исламистов). Однако из-за этой угрозы, которую к тому же по естественным причинам весьма преувеличивают, из внимания выпадает тот важнейший факт, что на самом деле радикальные исламисты составляют очень небольшую часть, что основной исламизм – не радикальный (хотя в этой массе есть и некое «болото», имеющее потенцию в определенные периоды склоняться к радикализму).

Крайне важно не терять из вида, что существует исламизм умеренный, демократический и иной, столь же разнообразный и противоречивый, не застывший, а живой как жизнь, реагирующий на различные изменения, колеблющийся от радикализма до вполне либеральных заявлений и политических действий (Kurzman 1998; Denoex 2002; Ayooob 2009; Schwedler 2011; March 2015; Volpi, Stein 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017).

Исламизм многим представляется как некий нарост на теле исламских обществ. На самом деле он во многом отражает суть современных исламских обществ, их образ мысли и жизни. И все же большинство населения не являются сторонниками радикальных исламистов, иначе весь Ближний Восток давно превратился бы в аналог печально известного «Исламского государства»². Напротив, исламизм во многом помогает налаживать социальную и иную жизнь на разных уровнях общества, создает особый – исламский – путь к модернизации.

Ислам является для очень многих жителей мусульманских стран (а возможно, и для большинства из них) очень важной частью их

² Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

мировоззрения и повседневной жизни. Вот почему исламисты нередко выигрывают выборы. Неудивительно, что *в мусульманском мире почти не осталось стран, где бы исламизм не превратился во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики. То, что в конце прошлого столетия представлялось частными эпизодами, оказалось одним из главных трендов мировой политики.*

Таким образом, исламизм имеет множество уровней и проявлений: от вполне уважаемых политических партий и диспутов ученых до потока сознания отдельного малограмотного или вовсе неграмотного мусульманина, от государственного уровня до групп террористов-фанатиков, от умеренных политических движений до ударных отрядов экстремистов.

1. Некоторые особенности модернизации исламских стран

Исламизм – это социальное явление, гораздо более широкое, чем радикализм на основе исламизма, и можно считать, что исламизм создает особый исламский путь в модернизацию. Этим во многом объясняются особенности модернизации в исламских, особенно арабских, странах. Неудивительно, что модернизация в арабских и исламских странах имела и имеет существенные особенности по сравнению с другими регионами (см., например, сравнение с Китаем и Индией, которое уже публиковалось в нашем ежегоднике [Коротаев, Гринин 2017; см. также: Гринин, Коротаев 2016]). Стоит также напомнить, что Ближний и Средний Восток (БСВ) в отличие от ряда других регионов мира всегда имел тесные связи с Европой (Западом). При этом взаимоотношения носили комплексный характер, контакты в конечном счете служили для взаимного обогащения технологий и культур. Однако баланс сил менялся. Близость к Европе явилась причиной, по которой именно в ближневосточных странах (прежде всего в Турции и Египте) модернизация, особенно военная, началась раньше, чем в других восточных обществах. Однако в настоящее время это преимущество БСВ по сравнению, например, с Индией и Китаем в основном потерял, хотя по некоторым показателям Индия все еще от него отстает (например, по грамотности населения, см.: Коротаев, Гринин 2017). Тем не менее отметим, что БСВ лидирует по такому важному показателю, как урбанизация.

Говоря о факторах социально-политической модернизации в исламских странах (в том числе афразийской макрзоны нестабильности), обуславливающих ее отклонение от классической траектории, можно выделить следующие:

1) особая роль исламизма как не просто политической идеологии, но очень массовой, широко распространенной среди многих, если не всех социальных слоев, способствующей объединению общества и развитию ряда направлений (включая образование), необходимых для модернизации;

2) слабость государственных структур в арабском мире, что определялось рядом исторических особенностей и, соответственно, слабость национализма как идеологии;

3) нефтяное богатство, которое дало очень крупные средства для особого пути модернизации (с учетом меньшей финансовой зависимости исламских стран от Запада), а также усилило позиции исламизма как массовой идеологии и образа жизни.

Все вместе это ослабило возможности для вестернизации исламских стран и создало условия для *особого пути модернизации арабских и многих исламских стран*. Более высокая роль религиозных идей в модернизации объясняет причины того, что модернизация в этих странах не затрагивает в полной мере многие аспекты жизни, идет медленнее, чем в других регионах, а также то, что часто она рядится в псевдорелигиозные одежды (так, повышение уровня образования женщин, их роли в политике, экономике и культуре происходит под внешним сохранением исламских или новоисламских обычаев [Grinin *et al.* 2018]).

Поскольку наибольшая часть нефтяного богатства досталась как раз странам, в которых уровень модернизации, государственности и культуры был слабым, получилось так, что эти государства (прежде всего страны Залива) стали играть роль, не соответствующую их уровню развития в жизни всего региона.

1.1. Исламизм как особый фактор модернизации на Ближнем и Среднем Востоке

Возникновение исламизма, Исламское возрождение и модернизация. Исламизм был не только реакцией на влияние Запада, но и результатом западной модернизации, которая к этому времени уже захватила ряд исламских стран. В этой связи важно

отметить одну особенность, о которой практически не говорят, а именно то, что современный исламизм как массовое движение возник в первую очередь в странах, в которых в том или ином виде существовали демократия, выборы и система политических партий. Речь идет прежде всего, о Египте и Британской Индии (мусульманской части Индии). По сути, в абсолютных монархиях современный исламизм как политизированный ислам был не нужен либо необходим не сам по себе, а как оружие в руках светской власти. В обществе, где нет электората, также не нужен низовой политический ислам. Иное дело там, где низы или какие-либо слои общества уже могут голосовать, тогда роль политического ислама становится весьма заметной. Неудивительно, что вафдисты (то есть члены «Вафд» – наиболее влиятельной египетской политической партии того времени) стали вовлекать в политическую борьбу «Братьев-мусульман»³ уже в 1930-е гг., пытаясь получить их поддержку (Goldschmidt 2004: 191; Osman 2016: 4). Мусульманская лига также играла важную роль в выборах. Выборы в меджлис так или иначе имели место и в шахском Иране начиная с Конституционной революции 1906–1911 гг. Демократия, политические партии, выборы – это все западные институты, которые прямо или косвенно продвигались Западом на Восток⁴. И там, где они устанавливались, в конечном счете мог усиливаться низовой исламизм. В авторитарных режимах неучастие в выборах сокращало влияние исламистов. Иными словами, исламизм, конечно, не родился в результате демократии, но активное внедрение или расширение последней могло существенно его усилить. В § 4 Главы 3 нашей книги *Islamism, Arab Spring and Democracy* (Grinin et al. 2018) мы приводим многочисленные примеры того, как Запад сам мог усиливать исламизм, с одной стороны, внедряя демократию, с другой –

³ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

⁴ Англия и Франция внедряли демократические органы и выборы на Ближнем Востоке и после получения там мандатов от Лиги Наций (в частности, в Трансиордании и Сирии).

разрушая авторитарные режимы плюс помогая исламистам напрямую⁵.

Можно считать, что современный политический ислам как идеология возник примерно в середине XX в., явившись итогом длительной социокультурной, политической и духовной эволюции исламского мира (Ланда, Саватеев 2015: 129).

В последние десятилетия развитие исламизма тесно связано с Исламским возрождением, или особого рода модернизацией исламских обществ. О причинах возникновения современного исламизма существуют разные мнения, иногда противоречащие друг другу (см., например: Roy 1994: 339). Иногда это связывают с развитием слоев, сформированных в итоге модернизации мусульманских обществ, то есть интеллигенции, студенчества, служащих, буржуазии, иногда – с реакцией традиционных социально-экономических слоев, затронутых модернизацией и испытывающих дискомфорт. По-видимому, оба мнения частично верны, так как общая причина роста влияния исламизма, несомненно, связана с тем или иным воздействием процессов модернизации, проявляющихся по-разному и в различных слоях социума, и в различных обществах (см. также: Huntington 1996).

Исламизм – особый способ модернизации. Его нередко трактуют как реакцию на охватившие мир глобализацию и модернизацию, а в отдельных случаях – как поиск особого пути исламских обществ в плане модернизации и глобализации⁶. Это одна из причин, почему феномен реисламизации охватил страны и традиционного, и нового ислама (Васильев 2017: 44). В этом последнем смысле исламизм позволяет развиваться и адаптировать достижения Запада, не теряя собственной идентичности. Стоит отметить глубокую мысль С. Хантингтона, что, подобно другим

⁵ Новейший пример, когда расширение демократии в некоторых арабских странах открыло исламистам доступ к власти в результате Арабской весны.

⁶ О том, что Исламское возрождение и рост влияния исламизма стали особым путем к модернизации, говорил целый ряд исследователей. Так, известный африканский экономист Самир Амин считает исламизм «исламской альтернативой капиталистической модернизации – политическим, а не теологическим феноменом» (Комар 2007: 36; цит. по: Левин 2014: 8). Политизация ислама в форме современного исламизма есть в конечном счете следствие охвативших мир процессов форсированной модернизации и глобализации, считает З. И. Левин (2014).

проявлениям глобального религиозного возрождения, Исламское возрождение является одновременно и следствием модернизации, и попыткой схватиться с ней «врукопашную» (Huntington 1996: 111–112).

Разумеется, исламизм отнюдь не доказал своей наибольшей эффективности в плане модернизации, но тем не менее определенную функцию он выполняет. Примером может служить Иран, где развитие идет под идейным руководством политизированного духовенства, правда, там существует исламизм особого типа. В Иране в известной мере произошло отделение идеологии от непосредственного политического функционирования, то есть имеются своего рода идеологические контролеры, а также политические функционеры самого высшего уровня. Это позволяет стране достаточно неплохо развиваться в общечеловеческом направлении. Возможно, это результат победившего исламизма, который должен был приспособиться к своему положению правящей идеологии (примерно так же, как это произошло с победившим коммунизмом в СССР и других странах). Второй момент: исламизм в Иране – шиитского толка, соответственно, имеется практически знак равенства между национализмом и исламизмом, что усиливается довольно крепкими корнями государственности. В то же время в противоположность иранскому арабский национализм означает принадлежность не к какому-то государству, а к арабскому суперэтносу.

Особая форма модернизации и результат борьбы разных тенденций. Но почему светская модернизация стала сдавать свои позиции (хотя в Египте, например, она продолжалась)? По-видимому, здесь сказались следующие факторы. Сама по себе модернизация ведет к значительным диспропорциям в обществе и нарастанию в нем социального напряжения. При этом в социуме возникают разные тенденции, связанные с выбором формы модернизации. Эти тенденции имеют свою опору в различных социально-политических силах в обществе. Поскольку модернизация обычно связана с заимствованием, то имеются довольно мощные силы в лице политического класса и части образованных людей, стремящихся совершить ее по лекалам западных обществ. С другой стороны, народные массы, испытывающие дискомфорт в результате модернизации и

одновременно более консервативные, а также менее доверчивые к политическому курсу правительств, склоняются к более понятным им идеям.

Если вспомнить Русскую революцию, то в ней можно наблюдать те же тенденции: западную, и особенно связанную с идеей частной собственности на землю, и народно-социалистическую, которая шла по пути социализации земли и выведения ее из частной собственности. В итоге, несмотря на то, что российские правительства стремились модернизировать общество по западным образцам в течение долгого времени, неожиданно победила вторая тенденция. Она и привела к созданию в России (СССР) невиданного доселе общества. Это также было долгое время загадкой (и сегодня является предметом острых дискуссий). Несомненно, что социализм стал альтернативой западной модернизации.

Точно так же и в исламских странах имелись разные тенденции модернизации, но в итоге неожиданно возобладали исламистская, и прежде всего потому, что она имела огромную поддержку населения. Такая «народная» тенденция может победить особенно в тех обществах, в которых неприятие западной идеологии имеет прочные корни (и православие, и ислам были именно такими идеологиями).

К этому следует добавить и причину, о которой говорят реже, – рост образованности в исламских странах (см.: Коротаев, Юрьев 2018). В 1970–1990-е гг. ее уровень дошел до такой отметки, когда в странах стало довольно много образованных людей, но еще больше было малограмотных и значимое число – неграмотных.

А это благоприятный уровень именно для религиозной реформации, когда большое количество верующих людей перестает просто слушать проповеди официальных служителей культа, а пытается самостоятельно читать и толковать священные тексты. При этом у людей открываются глаза на расхождения между тем, что там написано, и реальностью, что ведет к изменению их сознания и поведения. Промежуточный уровень образования, как это ни странно на первый взгляд, ведет к росту радикализма и терроризма как одного из его выражений (см.: Акаев и др. 2017; Васькин и др. 2018). Увеличение количества студентов, как мы видели выше, также способствовало подъему исламизма. В дореволюционной России в отношении образования была похожая

ситуация: наряду со значимым количеством европейски образованных людей многие были полуграмотными, а огромное число – вовсе неграмотными. Но среди молодежи людей с начальным уровнем образования было большинство.

1.2. Слабость государственности на Ближнем Востоке и укрепление исламизма

Мы уже писали об особенностях государственности на Ближнем Востоке, которая определяется слабыми традициями государственности (см.: Коротаев, Гринин 2017; Grinin *et al.* 2018). Это объясняется, во-первых, исторически (многие страны – молодые, ранее они существовали только как провинции империй), во-вторых, тем, что религия была в большинстве случаев автономна в арабских государствах, а религиозная жизнь существенно самоуправяема. Отсюда исламизм становится наднациональным. В-третьих, это обусловлено тем, что имеется единый арабский язык, общая религия, что создает идеологию не национального, а наднационального – общеарабского – суперэтнуса. Отсюда и слабая роль национализма во многих обществах. Некоторый подъем национализма и светских идеологий в 1950–1960-е гг. в ряде стран Ближнего Востока затем сменился исламским возрождением и подъемом исламизма. Слабыми традициями государственности на Ближнем и Среднем Востоке (за исключением Египта, Турции и в определенной мере Ирана) объясняют и неустойчивость многих режимов, и недостаточный уровень модернизации.

1.3. Роль нефтяного богатства

Отметим, что именно в области поставок нефти впервые в истории развивающиеся страны одержали решительную победу над Западом, и впервые экономические действия стран третьего мира вызвали мировой экономический кризис.

Рост нефтедобычи стал для целого ряда стран дорогой к увеличению благосостояния, импорту капитала и даже конвергенции.

В целом нефть превратилась в 1970-е гг. в своеобразный символ роста возможностей третьего мира в отношении Запада. Разумеется, нефтяные доходы довольно длительное время тратились не особенно рационально (и во многом такая ситуация сохраняется до

сих пор), но в целом они стали важнейшим источником накоплений развивающихся стран и дали возможность проводить в некоторых государствах важные реформы, связанные с подъемом сельского хозяйства, ростом образования, развитием системы здравоохранения и т. п.

Окончание эры дешевой нефти положило конец тому, что называлось немецким и японским «экономическим чудом», то есть очень высоким темпам экономического роста в этих странах, а также повлекло целый ряд серьезных и разнонаправленных последствий для экономик разных стран. Так, оно не только вызвало довольно чувствительный кризис в западном мире, но и одновременно заставило западную экономику искать технологические формы экономии энергии, что способствовало многим важным инновациям, а также развитию добычи нефти в более сложных условиях.

В то же время приток нефтедолларов начал резко менять жизнь в нефтедобывающих странах, в части из которых не представляли, как использовать такой объем валюты. В результате произошла дальнейшая интеграция ближневосточной и мировой экономики. Во-первых, полученные нефтедоллары стали вкладываться в западную (особенно американскую) финансовую систему, что, кстати, позволило США в дальнейшем замораживать счета тех или иных неудобных стран или персон. Во-вторых, активизировались инвестиции в развитие инфраструктуры и других объектов в этих странах, что принесло крупные заказы западным фирмам. В-третьих, усилилась роль государств и государственных компаний в нефтедобывающих странах (в некоторых случаях это сопровождалось национализацией имущества западных корпораций, как в Ираке в 1972 г.). В-четвертых, открылся важный путь к подъему и новым развивающимся стран, в которых стали находить и разрабатывать нефть, – в Южной Америке, Африке, Азии (одновременно усилились поиски нефти на различных территориях). Бесспорно, подъем цен на энергоносители внес существенный вклад в начало Великой конвергенции (Grinin, Korotayev 2014a; 2014b; 2015). В-пятых, конечно, необходимо отметить резкий рост импорта оружия в страны Ближнего Востока, усилившийся после войны в Заливе 1991 г.

Государства Персидского залива, а также некоторые другие нефтедобывающие страны в этом и других регионах (такие как Ливия или Бруней) из бедных стали превращаться в богатые, в страны-рантье, а поскольку исламская идеология требовала делиться с бедными и не позволяла игнорировать мнение коренных жителей, то и население некоторых прежде бедуинских стран стало жить на правах рантье. Это был один из немногих пока случаев в новейшей истории, когда ВВП бедных развивающихся стран мог сравниться

с ВВП развитых государств. В частности, сегодня пять из шести стран Персидского залива входят в число 30 государств мира с самым высоким ВВП на душу населения (Вишневский, Денисенко 2016). Это не могло не укрепить позиции монархических режимов и диктаторов. ОПЕК стала одной из важнейших экономических организаций в мире.

Изменение уровня жизни в нефтедобывающих странах Ближнего Востока существенно повлияло на их демографию, но также и вызвало (возможно, впервые в отношении развивающихся стран) довольно большой миграционный поток из соседних бедных мусульманских стран в государства Залива и некоторые другие нефтедобывающие страны.

Хотя исламский фундаментализм и терроризм существовали и до взрывного роста цен на нефть, нет никакого сомнения, что избыток нефтяных средств создал для них весьма питательную почву.

Таким образом, быстрый рост нефтедобычи и цен на нефть на Ближнем Востоке оказал весьма существенное влияние на многие страны мира, их экономику и политику. Однако, несмотря на продолжающуюся модернизацию стран Ближнего Востока, в целом они не смогли перерасти уровень провинциальных стран.

Ближний Восток, несмотря на модернизацию, не особенно заметно изменил свое место в мировом экономическом разделении труда, в чем-то энергетический сектор даже усилился. Увеличивается добыча нефти, в том числе в странах, где ее ранее добывали меньше, расширяется газодобыча, созданы предприятия по переработке нефти, а также развиваются технологии по сжижению газа.

В числе реальных изменений следует отметить быстрый рост

туристического бизнеса, который стал очень важным для Турции, Египта, Туниса, ОАЭ, частично для Израиля и Марокко, но не для всех стран региона. Правда, в последние годы в связи с Арабской весной, ростом терроризма и другими проблемами эта отрасль столкнулась с трудностями. В рамках самого Ближнего Востока существует определенное разделение труда (так, Египет был центром образования и туризма для стран Залива, хотя рост образованности наблюдается и в них [Коротаев, Юрьев 2018]). Государства Залива пытаются диверсифицировать свою экономику, но до этого еще далеко.

При вышеуказанной борьбе тенденций исторические случайности играют очень важную роль. Поэтому наиболее важной причиной, которая позволила исламу стать столь сильным, по нашему мнению, является скачок нефтяных цен, который способствовал росту скорее исламистских, чем демократических тенденций в мусульманском мире (Хантингтон 2003: 167). Как ни странно, именно об этой причине пишут реже, чем о других. Повышение цен на нефть имело многочисленные последствия. Во-первых, желание осуществить модернизацию по западной схеме ослабело у нефтедобывающих стран, которые считали, что, имея деньги, они могут решить все проблемы. Во-вторых, это как бы идеологически подкрепляло исламизм – именно Аллах мог подарить правоверным такую благодать. В-третьих, часть этих денег доставалась и не имеющим нефти странам через различные каналы. А это усиливало ориентир не на западные страны, а на не самые развитые арабские. В-четвертых, часть денег пошла на поддержку борьбы против Израиля (и против СССР в Афганистане), что способствовало усилению радикального исламизма и терроризма, в частности, среди палестинцев и афганцев. В-пятых, усилению исламистских настроений в 1970-е гг. способствовало резкое увеличение потока трудовых мигрантов из исламских стран в нефтяные исламистские аравийские монархии. Увиденное ими там экономическое процветание в сочетании с исламистскими порядками порождало у многих уверенность в том, что насаждение подобных порядков и у себя дома должно привести их страны к такому же процветанию. В-шестых, резкий рост объема финансовых ресурсов, оказавшихся в руках исламистских монархий (и прежде всего Саудовской Аравии),

позволил им значительно увеличить финансирование и усилить целенаправленную деятельность по распространению исламизма в мире.

В 70–80-е гг. XX в. Саудовская Аравия была важнейшей силой ислама. Она потратила миллиарды долларов на поддержку мусульманских начинаний по всему миру, от строительства мечетей и издания книг до создания и поддержки политических партий, исламистских организаций и террористических движений, причем была довольно неразборчива в своей помощи (Хантингтон 2003).

По некоторым данным, Саудовская Аравия через каналы своих благотворительных фондов израсходовала за 1980–1990-е гг. примерно 70 млрд долларов на строительство подконтрольных ваххабитам мечетей, медресе, исламских центров, а также на поддержку и обучение радикальных воинствующих исламистов (включая создание тренировочных лагерей, закупки оружия, рекрутирование наемников) примерно в 20 странах мира (см.: Kaplan 2003; см. также: Pipes 2003; Игнатенко 2009: 177–178).

В целом, если уместно такое сравнение, без нефтяных денег исламизм все равно рос бы, но как растение на скудной почве; нефтяные деньги настолько удобрили почву для него, что он расцвел пышным цветом. Возможности тех, кто ратовал за западный путь развития, без нефтяных денег усилились бы, поскольку нужда – лучший аргумент; в условиях же нефтедолларового богатства аргументы адептов западного пути модернизации были слабыми.

2. Исламизм как оппозиционное течение и как государственная идеология

2.1. Исламизм в оппозиции. Борьба между исламизмом и светскими режимами

Исламизм как оппозиционное течение. Как отмечал С. Хантингтон, исламизм функционально заменил демократическую оппозицию авторитаризму в христианских странах. В 1980-е и 1990-е гг. исламистские движения преобладали среди оппозиционных движений в мусульманских странах и часто их монополизировали. Их сила была отчасти следствием слабости альтернативных источников оппозиции (Хантингтон 2003: 169–170). Нахождение в оппозиции позволяло использовать недовольство населения в целях укрепления собственного авторитета. Однако после прихода к

власти исламистов привлекательность их пропаганды нередко начинает ослабевать, подобно тому как слабела сила богатыря, когда его отрывали от земли, поскольку земля давала ему мощь. Последние события в Египте и Тунисе, когда исламисты пришли к власти относительно легко и мирно, но власть удержать не смогли, доказывают этот тезис. Сказанное не случайно. Доктрины исламистов, требующие соблюдения норм шариата и жизни по священным книгам, приходят в жесткое противоречие с реалиями современной жизни, при их претворении в практику наносят большой ущерб экономике, например, туристической отрасли и т. д. Примером здесь являются афганские исламисты. Они возглавляли вооруженную борьбу с внешними силами, поэтому здесь доктрина джихада, борьбы с неверными, стояла во главе угла. Впрочем, реально никто не ожидал каких-то экономических и социальных успехов от «Галибана»⁷.

С. Хантингтон также писал, что в середине 1990-х гг. центральным вопросом становится следующий: «...кто или что придет на смену, по выражению Клемента Генри Мура, “бункерным режимам” – репрессивным, коррумпированным, оторванным от нужд и чаяний своего народа... Почти во всех странах середины 1990-х наиболее вероятный преемник – режим исламистского толка» (Хантингтон 2003: 169).

Исследователь, как водится, угадал только в малой части. В-первых, крах наступил не скоро, только через 15 лет, к тому же в некоторых случаях (как в Ливии) ему активно способствовал союз стран Залива и Запада. Во-вторых, приход «преемника» – исламистских режимов – оказался очень кратковременным и в Египте, и в Тунисе (превратившись в междоусобицу в Ливии). Исламистские режимы тем более не могли прийти к власти в других странах (мы не учитываем в данном случае ИГИЛ⁸). Это дополнительно показывает, что исламизм наиболее адекватен как оппозиционное движение – даже там, где он побеждает (как в Иране), он через некоторое время так или иначе начинает разделять религиозную и светскую власти.

⁷ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

⁸ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

Таким образом, сделаем вывод: исламизм особенно силен либо как оппозиционное массовое движение, либо как умеренный исламизм, проводящий разумную политику, адаптированную к современным условиям, либо как тоталитарное движение революционного типа, требующее полного переустройства общества (как это было в первый период после исламской революции или сегодня на территории, контролируемой ИГИЛ)⁹. Хотя последнее представляло собой государство, по уровню организации соответствующее типу архаического (или раннего) государства (см. подробнее: Korotayev, Grinin 2017: 329; о ранних государствах см.: Grinin 2003; 2017), тем не менее определенный уровень систематической администрации государственного типа там был. В частности, там выделялись провинции, действовала полиция, на каком-то уровне были систематически организованы здравоохранение и образование (см., например: Быстрицкий 2016: 38).

Умеренному исламизму в некоторых исламских обществах сложнее проявлять себя у власти, начинаются его колебания, появляются угроза раскола, попытки радикализации и прочего, что может вести к его политическому поражению; это мы и наблюдали в Египте и Тунисе в последние несколько лет. Впрочем, в других обществах умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности (об этом см. ниже).

Борьба между исламистами и светскими режимами. Хотя на заре формирования исламизма «были периоды, когда светские и исламистские мыслители совместно разрабатывали формы секуляризма, которые учитывали бы важнейшее значение ислама для разных культур всего Ближнего Востока, а также формы исламизма, которые бы ограничивали присутствие религии в публичной сфере» (Osman 2016: x), сегодня в целом это не так. Размежевание между светским направлением и исламизмом очень

⁹ Стоит упомянуть и палестинские исламистские организации, также возникшие как мобилизационные, в особых условиях вынужденной эмиграции и проживания в лагерях. Приход их к власти в Палестинской автономии – результат усилий мирового сообщества, в общем-то, особый случай. Кроме того, движение палестинцев не только исламистское, но и националистическое (соответственно ФАТХ ближе к светскому националистическому движению, а ХАМАС – к исламистскому).

сильно. Правда, в ряде стран, где так или иначе действуют демократические процедуры и умеренные исламисты участвуют в политической жизни, поле для сотрудничества между светскими и исламистскими партиями весьма велико. Но в целом можно говорить о постоянной то затухающей, то усиливающейся борьбе между светскими направлениями (в первую очередь это сила государства, этатизм, секуляризм) и исламизмом. Вполне понятно, почему, будучи оппозиционным и популярным течением, а также имея тенденцию к радикализации в условиях ухудшения ситуации или обострения международного положения, исламизм не может не вызывать тревогу у автократов, правящих режимов и элиты. По этой причине, а также потому, что исламисты принижают ценность государства и патриотизма, а радикальные исламисты постоянно раскачивают ситуацию, между правительствами и исламистами идет борьба, временами обостряясь до предела. И даже такие вполне ортодоксальные правительства, как администрация КСА, активно стремятся уменьшить влияние «Братьев-мусульман» и других низовых исламистских организаций. Не менее важно, что в случае противостояния официального саудовского исламизма и неофициального исламизма саудовских «Братьев-мусульман» речь идет о противостоянии разных течений внутри исламизма (а противостояние внутри одной идеологии может даже превосходить по накалу межрелигиозное противостояние – вспомним жесточайший конфликт внутри ленинизма между сталинистами и троцкистами в СССР или между маоистами и советскими коммунистами).

Борьба между светским государством и исламизмом шла с самого начала. В арабских странах светские режимы активно, иногда беспощадно боролись со стремлением исламистов прийти к власти (мирным или военным путем), и хотя борьба шла с переменным успехом, в целом победа оставалась за светскими режимами. Самый яркий пример – ожесточенная борьба в Алжире в 1990-х – начале 2000-х гг. (см. подробнее: Васецова 2017; Долгов 2015).

Военный переворот в Египте в 2013 г. также показал, что светские (военно-полицейские) режимы находят в себе силы, чтобы

оттеснить исламистов от власти (см. подробнее: Гринин и др. 2016; об Арабской весне см. также: Гринин 2012; Гринин, Коротаев 2016). Борьбу с радикальными (но, впрочем, и умеренными) исламистскими группировками ведет и правительство Сирии.

Интересный пример эволюции соотношения светской власти и исламистских тенденций можно наблюдать в Ираке. В 2005 г. там была принята новая конституция, которая стала результатом компромисса между воздействием американской администрации и желаниями местных правоведов. В частности, ст. 2.1 Конституции гласит: «Ислам – официальная религия государства; он является основным источником законодательства». Странный симбиоз являют пп. 1А–1С ст 2. Конституции. Пункт 1А ст. 2 утверждает: «Не разрешается принятие закона, который противоречит принципиальным установлениям ислама». В то же время в пункте 1В записано: «Не разрешается принятие закона, который противоречит принципам демократии». Наконец, в пункте 1С сказано: «Не разрешается принятие закона, который нарушает права и основные свободы, декларируемые настоящей Конституцией» (см. подробнее: Хайруллин, Коротаев 2017б). Таким образом, здесь очевидна внутренняя сила исламизма, которую сложно сломить даже оккупационной администрации.

Уместно будет сказать, что в прочных светских, хотя и авторитарных режимах на такие уступки обычно не идут. В частности, в соседней Сирии в Конституции 1973 и 2012 гг. шариату и исламу не было отведено никакого существенного места. То же касается и Йемена, где в Конституции 1991 г. (принятой в период правления Али Абдаллы Салеха, но под влиянием более секуляризованных южан) шариату и исламу было отведено достаточно скромное место по сравнению с предыдущей конституцией Северного Йемена (см.: Хайруллин, Коротаев 2017а).

Нельзя, конечно, не упомянуть и крупный (хотя, похоже, и временный) успех радикальных исламистов в «Исламском государстве» в Сирии и Ираке в 2014 г. Но это абсолютно тоталитарный и крайний исламистский режим, который, возможно, нанес идеям исламизма огромный ущерб, подходы которого отвергаются большинством мусульман. С одной стороны, это был шумный (правда, временный) успех ультрарадикального ислама, но с другой – он вызвал активизацию вооруженной борьбы с ним со

стороны правительств Ирака, Сирии, светских сил Курдистана, а также ряда внешних акторов (прежде всего России, Ирана и США).

2.2. Исламизм в роли государственной идеологии

Монархизм и исламизм. Есть режимы (монархические), в которых, по определению С. Хантингтона, попытались установить некую форму исламской законности. Он, в частности, говорил о Саудовской Аравии и Марокко (Huntington 1996: 113–114: 169), но назвать их исламистскими можно только с определенными оговорками. Мало того, о Марокко, по нашему мнению, нельзя говорить как об исламистском режиме, это страна, где умеренные исламисты присутствуют как политическая сила и участвуют в выборах. Крайне важно учитывать, что это легитимные режимы, при этом их легитимность проистекает от самой идеи монаршей власти, санкционированной Аллахом и в одном случае освященной принадлежностью королевской династии Марокко к роду Мухаммеда (см., например: Орлов 2015), а в случае Саудов – к роду сподвижника религиозного реформатора и основателя ваххабитского движения, заложившего основы современной саудовской исламистской идеологии (см. об этом: Васильев 1967) (власть саудовских королей к тому же освящается и их статусом «хранителей двух святынь»). Дополнительных оснований легитимности своей власти таким режимам не нужно, поэтому они не любят несистемных исламистов снизу не меньше авторитарных режимов. Тем не менее саудовский режим все-таки имеет смысл назвать исламистским хотя бы потому, что он является главным государственным спонсором распространения исламизма (в его салафитской форме) в современном мире. Этот процесс особенно активно пошел с 1970-х гг., не случайно совпав с ростом богатства Саудитов, целью которых было установление ислама в качестве ведущей силы в арабском регионе (Kerel 1987: 10–11). Отметим, что умеренный исламизм существует, по сути, и в других странах Залива. Однако Катар, где собственный исламистский режим вполне умеренный, в геополитических целях поддерживает исламистов, в том числе и радикальных, в других странах. Современный саудовско-катарский конфликт оказался во многом столкновением этих версий государственного исламизма (причем интересно, что обе стороны обвиняли друг друга

в «поддержке терроризма», то есть, по сути, радикального исламизма).

Что касается Марокко, то марокканский король вследствие определенной демократии в стране и периодических выборов вынужден временами привлекать исламистов к управлению, но основной легитимностью, подчеркнем, все-таки обладает именно королевская власть. В Марокко по конституции (2011 г.) король является духовным главой мусульман этой страны, а также символом единства нации, что укрепляет легитимность его власти в отношении мусульман. Отметим также, что традиции государственности и монархизма в Марокко сильнее, чем во многих других странах Ближнего Востока. Королевская власть наследуется по прямой мужской линии в роду Алауитов (правят с 30-х гг. XVII в.), являющихся потомками пророка Мухаммада. Все это служит дополнительными факторами, удерживающими общество от дестабилизации. В целом исламизм в Марокко не получил развития в радикально-экстремистской форме. Среди верующих мусульман здесь всегда был высок авторитет монарха, считающегося прямым потомком пророка Мухаммеда и обладающего титулом *Амир ал-Му'минин* (Повелитель правоверных) (Ланда, Саватеев 2015: 162; Орлов 2015).

Исламизм как победившая идеология. В целом исламизм нечасто становится официальной государственной идеологией в явном виде, хотя несколько случаев имеется. Исламизм как идеология победил в Пакистане, что и было провозглашено при создании этого государства. Исламизм продолжал играть там важную роль и после обретения независимости (особенно для мобилизации населения против Индии, а также помощи афганским моджахедам).

В частности, за время правления М. Зия-уль-Хака многочисленное сословие богословов существенно улучшило свое положение (Чекризова 2013: 110). Но, как видим, исламизм здесь носил традиционно государственный характер. Однако в настоящее время он уже не имеет такого значения в жизни этой страны, как раньше, хотя, по-видимому, интегрировался в политическую жизнь как один

из ее существенных элементов¹⁰. В той или иной степени он трансформировался в постисламизм (о постисламизме см. подробнее: Grinin *et al.* 2018: 3.6.3). Радикальный исламизм в Пакистане носит очаговый и дискретный характер (см., например: Чекризова 2013).

Что касается победы исламизма в Иране, то позволим себе высказать следующие идеи. Хотя в Иране победила исламская революция, по сути, в стране был иной исламизм, нежели в суннитских и особенно арабских странах: в Иране он был тесно связан с национализмом и почти эквивалентен последнему, в арабских странах – враждебен ему. Вот почему исламских революций в арабских странах не случилось (хотя аятолла Хомейни активно стремился к этому), там исламизм не мог опереться на нацию. Стоит еще иметь в виду важное различие, о котором пишет А. М. Васильев (2017: 42): в Иране шиитское духовенство исторически находилось в оппозиции к светской власти, считая ее незаконной, а в суннитских странах большая часть духовенства является частью государственного аппарата. Главное же, что в Иране победил шиитский исламизм, поэтому Хомейни реально пытался распространить его только на мусульманские страны с заметным шиитским населением (прежде всего на Ирак). На суннитов же, составляющих около 90 % от всех мусульман мира (см., например: Pew Research Center 2011), иранская исламская шиитская революция не могла распространиться практически по определению – в силу именно ее выражено шиитского характера.

Исламисты добились успеха и в Судане. Впрочем, здесь следует иметь в виду два момента. Во-первых, исламизм лежал у самых истоков современной суданской государственности в период махдистского национально-освободительного восстания (1881–1898 гг.). По сути, в эти годы суданцы впервые сами создали и поддерживали свое государство. Оно было названо Махдией и представляло собой «теократическое государство джихада», первоначально управляемое как военный лагерь (Серегичев 2015: 368).

Редко какие государства в Новое время возникали таким образом. С учетом

¹⁰ Однако имеется исламский Совет, один из совещательных органов при правительстве Пакистана (выносит решения о соответствии норм и законов исламскому вероучению) (Чекризова 2013).

наличия у суданцев такого опыта построения государственности опора на исламизм была вполне естественным вариантом.

Во-вторых, в период образования современного Судана в 1950-е гг. огромное влияние на укрепление исламизма в стране оказали египетские «Братья-мусульмане», создавшие в Судане (который в первой половине XX в. был тесно интегрирован с Египтом) свою весьма сильную организацию, в итоге добившуюся власти (Серегичев 2015: 370 и далее). В Судане особенно наглядно проявились две альтернативы политического развития развивающихся стран и колебания страны между ними – военная диктатура и политический исламизм. При этом приход к власти исламистов в конце 1980-х гг. осуществился благодаря союзу военных и исламистов (Там же: 383; Fuller 2004: 108). Период 1994–1996 гг. можно назвать временем наивысшего расцвета влияния исламистов и лично Хасана ат-Тураби на все процессы, протекавшие в стране (Серегичев 2015: 390). Исламистский проект был изменен в 2000 г. в связи с усилением борьбы между военными и исламистами, в результате чего так называемая Исламо-арабская народная конференция была закрыта, а лидер исламистов ат-Тураби был уволен с поста генерального секретаря НКС (Там же: 393–394). Но в целом исламизм, исламистский фундаментализм, но в умеренной версии, продолжает выступать надежной опорой для правящего в Хартуме режима. Он в основном стабилизирует ситуацию в стране и устраивает большинство жителей Судана (Там же: 397). Некоторые исследователи считают, что консолидирующая роль суданского исламифундаментализма еще долгие годы будет выступать одним из ключевых факторов поддержания внутривнутриполитической стабильности Республики Судан (Там же).

Умеренный исламизм во власти. Иран (и тем более Судан) не самые показательные случаи, так как заимствовать такой успех сложно. Более интересны и важны для будущего развития примеры, когда умеренные исламистские партии вписываются в политический ландшафт конкретных государств и институализируются. Именно такой путь наиболее перспективен и наиболее приемлем для всех, включая западные страны. Это касается, впрочем, и Ирана, в котором радикальный исламизм

Хомейни (существенно подорвавший экономику страны) достаточно быстро перерос в умеренный исламизм/постисламизм его преемников, сумевших добиться значительных успехов в стабилизации развития этой страны и, что важно, на поле исламизма создать достаточно прочную и эффективную демократическую систему.

В ряде случаев умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности. Есть примеры, когда они, оказавшись у власти, проводят достаточно взвешенную и эффективную политику (Турция, Марокко, Малайзия). Есть также несколько стран, в которых исламистские партии периодами приходят к власти самостоятельно либо в коалиции, как в Малайзии или Ливане. Это возможно потому, что они так или иначе интегрировались в политическую систему, признают правила игры и соответствующую внешнеполитическую ситуацию. Стоит также добавить, что в этих странах есть определенные противовесы исламизму. Так, в Малайзии сильны национализм и националистические партии, в Марокко стабилизационным фактором выступает королевская власть. В Турции существует подвижное равновесие между светским и исламистским течениями. Можно согласиться с тем, что Турция, даже несмотря на последние события, связанные с усилением политических репрессий, все-таки представляет собой в определенной степени образец для всего остального Ближнего Востока и в целом исламского мира в плане сосуществования ислама, секуляризма и демократии (Fuller 2014; Kirisci 2013).

Заключение

Исламизм многогранен, охватывает множество сфер жизни, в этом смысле он тотален (и даже тоталитарен в плане жесткости некоторых предписаний), а также многолик. Вот почему исламизм нельзя искоренить на современном этапе, его можно только перерасти (Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2017; Holdo 2017)¹¹. А для этого требуется длительное время. Можно согласиться с тем,

¹¹ Как нельзя было отменить влияние протестантских доктрин в большинстве общин колонистов в Северной Америке в XVII–XVIII вв., которые жили согласно нормам христианского фундаментализма. А затем процесс снижения влияния этих норм пошел вполне спонтанно, самопроизвольно.

что исламизм, вне зависимости от того, как его определять и какие движения, партии и группы с ним аффилированы, останется политическим актором на национальном, региональном и глобальном уровнях на протяжении еще не одного поколения (Малашенко 2015: 122).

Сказанное выше о жесткой борьбе светских режимов и исламистов, а также об успехах в ряде стран умеренных исламистов на политическом конституционном поле вновь позволяет нам сделать вывод, что *только политика привлечения к политической работе умеренных исламистов, готовых соблюдать конституцию и работать легально, способствует ослаблению радикального исламизма и в итоге дает возможность исламским обществам развиваться с меньшими потрясениями*. Попытки же вытеснить исламистов ведут к постоянной конфронтации. Поэтому мы вполне согласны с нижеприведенным мнением. Опыт мусульманского мира, по крайней мере с начала 2000-х гг., демонстрирует провал крайнего секуляризма в таких странах, как Египет, Ирак, Иран, Тунис и Турция. Напротив, Индонезия и Малайзия, к примеру, являются позитивным примером вклада, который ислам может внести во внутригосударственные дела в рамках демократического строя, объединяющего различные религиозные, культурные и этнические идентичности (Weiss 2010; Rahim 2011; Hossain 2016; Ugur Etga 2017).

Таким образом, можно сделать вывод, что умеренный исламизм может стать позитивным и перспективным крылом политической системы исламских стран. Но любой радикализм, а также отказ признавать верховенство государства и закона ведут к тому, что в подобной ситуации и в такой окраске исламизм оказывается в более благоприятных условиях в оппозиции. Словом, это сложный путь, в котором главный курс, обещающий успех для всего мира, – разделить умеренных (и легитимных) исламистов и радикалов.

В любом случае необходимо ясно понимать, что уменьшить опасность радикального, террористического исламизма одной только силовой борьбой с ним невозможно. Можно надеяться, что он пойдет на убыль в случае, если удастся разделить его с умеренным исламизмом и сделать последний более уважаемым, открытым, вовлеченным в нормальную политическую жизнь.

Библиография

- Акаев А. А., Васькин И. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017.** Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 8: 5–38.
- Быстрицкий А. 2016.** Мрак по расчету. *Коммерсант* 7 августа.
- Васецова Е. С. 2017.** Алжир в контексте региональной безопасности на Ближнем Востоке. *Век глобализации* 4: 82–91.
- Васильев А. М. 1967.** *Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудитов в Аравии (1744/45–1818)*. М.: Наука.
- Васильев А. М. 2017.** Исламский экстремизм: опасности реальные и мнимые. *Исламские радикальные движения на политической карте мира*. Вып. 2. *Северный и Южный Кавказ* / Ред. А. Д. Саватеев, Н. А. Нефляшева, Э. Ф. Кисриев. М.: Ин-т Африки РАН. С. 33–54.
- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В. 2018.** Экономический рост, образование и терроризм: Опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 3: 28–65.
- Гринин Л. Е. 2012.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016.** *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Долгов Б. В. 2015.** Радикальный исламизм в Алжире. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 229–259.
- Игнатенко А. 2009.** Эпистемология исламского радикализма. *Религия и глобализация на просторах Евразии* / Ред. А. Малашенко, С. Филатов, с. 175–221. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Моск. Центр Карнеги.
- Комар У. И. 2007.** Исламский фундаментализм как политико-культурный феномен. *Социальные и гуманитарные науки* 1: 25–37.

- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2017.** Некоторые предпосылки генезиса современного исламизма: к сопоставительному анализу Ближнего Востока, Индии и Китая. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 100–140.
- Коротаев А. В., Юрьев С. Е. 2018.** К системному анализу количественных показателей развития образовательных систем арабских стран. *Восток* 1: 65–79.
- Ланда Р. Г., Саватеев А. Д. 2015.** Политический ислам в странах Северной Африки. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 126–180. М.: Ленанд.
- Левин З. И. 2014.** *Очерки природы исламизма*. М.: ИВ РАН.
- Малашенко А. В. 2015.** Исламизм как долгосрочный фактор глобальной политики. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 97–126.
- Орлов В. В. 2015.** Марокко: шерифская монархия как оппонент радикализма. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 285–324.
- Серегичев С. Ю. 2015.** Политический ислам в Судане: история, идеи, практика. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев, с. 367–404. М.: Ленанд.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017а.** Ислам и йеменские конституции: опыт сопоставительного анализа. *Азия и Африка сегодня* 5: 43–48.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017б.** Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама. *Ислам в современном мире* 13(2): 139–152.
- Хантингтон С. 2003.** *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Чекризова О. П. 2013.** Особенности эволюции исламского радикализма в Пакистане. *Вестник МГИМО-Университета*. Серия Политология 5(32)201: 108–117. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/politologiya/osobennosti-evolyucii-islamskogo-radikalizma-v-pakistanе>.
- Achilov D. 2015.** When Actions Speak Louder Than Words: Examining Collective Political Protests in Central Asia. *Democratization* 23(4): 699–722.

- Achilov D. 2016.** Revisiting Political Islam: Explaining the Nexus between Political Islam and Contentious Politics in the Arab World. *Social Science Quarterly* 97(2): 252–270.
- Achilov D., Sen S. 2017.** Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? *International Political Science Review* 38(5): 608–624.
- Amin H. 2017.** *Post Islamism: Pakistan in the Era of Neoliberal Globalization*. Lahore: International Islamic University.
- Ayoob M. 2009.** *The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Bayat A. 2007.** *Islam and Democracy: What is the Real Question?* ISIM Paper 8. Leiden: Amsterdam University Press.
- Bayat A. 2013.** *Post-Islamism: the Changing Face of Political Islam*. New York, NY: Oxford University Press.
- Denoeux G. 2002.** The Forgotten Swamp: Navigating Political Islam. *Middle East Policy* 9(2): 56–81.
- Fuller G. E. 2004.** *The Future of Political Islam*. New York, NY: Macmillan.
- Goldschmidt A. 2004.** *Modern Egypt. The Formation of a Nation-State*. Boulder, CO: Westview.
- Grinin L. E. 2003.** The Early State and Its Analogues. *Social Evolution & History* 2(1): 131–176.
- Grinin L. E. 2017.** Complex Chieftdom: Precursor of the State or Its Analogue. *Chieftdoms. Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. New York, NY: Eliot Werner Publications. Pp. 195–232.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, A. Kiadó, pp. 184–207. Budapest: Publisherhouse Arostotelész.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York, NY: Springer.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2018.** *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System And World Values Perspectives*. Dordrecht – Heidelberg; New York, NY: Springer.

- Holdo M. 2017.** Post-Islamism and Fields of Contention after the Arab Spring: Feminism, Salafism and the Revolutionary Youth. *Third World Quarterly* 38(8): 1800–1815. URL: <https://doi.org/10.1080/01436597.2016.1233492>.
- Hossain A. A. 2016.** Islamism, Secularism and Post-Islamism: the Muslim World and the Case of Bangladesh. *Asian Journal of Political Science* 24(2): 214–236.
- Huntington S. P. 1996.** *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY: Simon & Schuster.
- Kaplan D. E. 2003.** The Saudi Connection: How Billions in Oil Money Spawed a Global Terror Network. *U.S. News and World Report* December 15.
- Kelsay J. 2007.** *Arguing the Just War in Islam*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kepel G. 1987.** *Les banlieues de l'Islam: naissance d'une religion en France*. Seuil; Paris.
- Kepel G. 2000.** *Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme*. Paris: Gallimard.
- Kirisci K. 2013.** The Rise and Fall of Turkey as a Model for the Arab World. *Brookings Institute* August 15. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2013/08/15-rise-and-fall-turkey-model-middle-east>.
- Korotayev A. V., Grinin L. E. 2017.** *Chiefdoms: Beyond Time? Chiefdoms. Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. New York, NY: Eliot Werner Publications. Pp. 327–332.
- Kurzman C. 1998.** *Liberal Islam: A Source Book*. New York, NY: Oxford University Press.
- March A. F. 2015.** Political Islam: Theory. *Annual Review of Political Science* 18: 103–123.
- Osman T. 2016.** *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Pew Research Center. 2011.** *Future of the Global Muslim Population*. Washington, DC: Pews Research Center. URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/future-of-the-global-muslim-population-sunni-and-shia/>.
- Pipes D. 2003.** The Saudi Connection: How Billions in Oil Money Spawed a Global Terror Network. URL: <http://www.danielpipes.org/blog/2003/12/the-saudi-connection-how-billions-in-oil>.
- Poljarevic E. 2015.** Islamism. *The Oxford Encyclopedia of Islam and Politics* / Ed. by E. El-Din Shahin. Oxford: Oxford Islamic Studies. URL: <http://0-www.oxfordislamicstudies.com.mylibrary.qu.edu.qa/article/opr/t342/e0252>.

- Rahim L. Z. 2011.** *Towards a Post-Islamist Secular Democracy in the Muslim World*. Paper presented at the Contemporary Challenges of Politics Research Workshop, Crowne Plaza Hotel, Coogee Beach, NSW, Australia, October 31.
- Roy O. 1994.** *The Failure of Political Islam*. Cambridge: Harvard University Press.
- Schwedler J. 2011.** Can Islamists Become Moderates? Rethinking the Inclusion-Moderation Hypothesis. *World Politics* 63(2): 347–376.
- Tibi B. 2012.** *Islamism and Islam*. New Haven, CT; London: Yale University Press.
- Tibi B. 2013.** The Islamist Venture of the Politicization of Islam to an Ideology of Islamism: A Critique of the Dominating Narrative in Western Islamic Studies. *Soundings: An Interdisciplinary Journal* 96(4): 431–449.
- Ugur Etga. 2017.** Islamists and the Politics of Democratization: Evidence from Turkey. *Contemporary Islam* 11: 137–155. DOI 10.1007/s11562-017-0380-z.
- Volpi F., Stein E. 2015.** Islamism and the State after the Arab Uprisings: Between People Power and State Power. *Democratization* 22(2): 276–293.
- Weiss M. 2010.** Southeast Asia's Muslim Majority Democracies: Elections and Islamism Outside the MENA Region. *Taiwan Journal of Democracy* 6(1): 81–106.